ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2010
XIX

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
603
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Том XIX

Экспресс-выпуск • Express-issue

2010 № 603

СОДЕРЖАНИЕ

1811-1834 Кулики Северного Таймыра. В.М.СДОБНИКОВ

1834-1836 О размножении тонкоклювой камышевки *Acrocephalus melanopogon* в Восточном Приазовье. Л.В.МАРКИТАН

1836-1838 Распространение и биология короткокрылой камышевки *Horeites diphone sakhalinensis* на острове Сахалин. В.А.НЕЧАЕВ

1838-1839 Роль лесных избушек в жизни врановых птиц северной тайги. Т.В.ПЛЕШАК

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Санкт-Петербург 199034 Россия

© Русский орнитологический журнал, 2010
Дата опубликования: 9 октября 2010

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XIX
Express-issue

2010 № 603

CONTENTS

1811-1834 The waders of Northern Taimyr. V.M.SDOBNIKOV

1834-1836 On breeding biology of the moustached warbler *Acrocephalus melanopogon* in the east of the Sea of Azov region. L.V.MARKITAN

1836-1838 Distribution and biology of the Japanese bush warbler *Horeites diphone sakhalinensis* on Sakhalin. V.A.NECHAEV

1838-1839 Role of hunting boxes and huts in life of jays and crows in northern taiga. T.V.PLESHAK

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2010

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск **603**: 1811-1834*

Кулики Северного Таймыра

В.М.Сдобников

*Второе издание. Первая публикация в 1959**

Представители отряда куликов по количеству видов являются на Северном Таймыре самой многочисленной группой птиц. Здесь зарегистрировано 18 видов куликов, из которых 15 видов гнездятся (34% всех гнездящихся видов птиц). Следует отметить, что всюду в тундре кулики – одна из самых многочисленных групп птиц, что обусловлено прежде всего особенностями их биологии и экологии, с одной стороны, и характером тундрового ландшафта – с другой. Большинство куликов – жители открытых пространств, гнездятся на земле и кормятся почвенными и водными беспозвоночными. Тундра, с её обширными болотами, многочисленными озёрами и реками и морским побережьем, протянувшимся на много тысяч километров, круглосуточным днём в летний период, представляет собой зону, наиболее благоприятную летом для существования куликов. В связи с этим характерно, что среди широко распространённых птиц тайги кулики составляют лишь 11%.

По способам добывания корма кулики делятся на 4 основные группы (Шапошников 1952); 1) бекасовые (дупель, бекас, гаршнеп) – отыскивают пищу с помощью осязания, погружая в мягкий грунт свой чувствительный клюв; 2) ржанковые (ржанка, плавунчик) – отыскивают пищу только с помощью зрения; 3) песочниковые (песочник, турухтан, веретенник, кроншнеп) – отыскивают корм с помощью и осязания и зрения и 4) камнешарки, кулики-сороки – отыскивают корм с помощью зрения путём раскапывания грунта и переворачивания камешков и других предметов. Таким образом, у большинства тундровых куликов на первом месте при разыскивании корма стоит зрение.

На Северном Таймыре встречены следующие виды куликов.

Названия видов	Наличие гнездования
Тулес *Squatarola squatarola* (Linnaeus, 1758)	Гнездится
Бурокрылая ржанка *Charadrius dominicus fulvus* (J.F.Gmelin, 1789)	Гнездится
Хрустан *Charadrius morinellus* Linnaeus, 1758	Гнездится
Восточный галстучник *Charadrius hiaticula tundrae* (Lowe, 1915)	Гнездится
Камнешарка *Arenaria interpres* (Linnaeus, 1758)	Гнездится
Краснозобик *Calidris testacea* (Pallas, 1764)	Гнездится
Среднесибирский чернозобик *Calidris alpina centralis* (Buturlin, 1932)	Гнездится

* Сдобников В.М. 1959. Кулики Северного Таймыра // *Тр. Науч.-исслед. ин-та сель.-хоз. Крайнего Севера* **9**: 184-207.

Кулик-воробей *Calidris minuta* (Leisler, 1812)	Гнездится
Белохвостый песочник *Calidris temminckii* (Leisler, 1812)	Гнездится
Кулик-дутыш *Calidris melanotos* (Vieillot, 1819)	Гнездится
Восточный исландский песочник *Calidris canutus canutus* (L., 1758)	Гнездится
Морской песочник *Calidris maritima* (Brünnich, 1764)	Гнездится
Турухтан *Philomachus pugnax* (Linnaeus, 1758)	Не гнездится
Песчанка *Crocetia alba* (Pallas, 1764)	Гнездится
Щёголь *Tringa erythropus* (Pallas, 1764)	Не гнездится
Плосконосый плавунчик *Phalaropus fulicarius* (Linnaeus, 1758)	Гнездится
Круглоносый плавунчик *Phalaropus lobatus* (Linnaeus, 1758)	Не гнездится
Западный малый веретенник *Limosa lapponica lapponica* (L., 1758)	Гнездится

Ниже приводятся наблюдения по каждому из указанных видов в отдельности.

Тулес *Squatarola squatarola* (Linnaeus, 1758)

В районе Таймырского озера и по реке Нижняя Таймыра тулес встречался довольно редко. В районе бухты Ожидания он был замечен лишь дважды: один раз на пролёте и другой – на гнездовании. Во время поездки вдоль северного берега озера тулес не был встречен ни разу. Не был он встречен также и на всём протяжении реки Нижняя Таймыра летом 1948 года. Наоборот, в районе бухты Книповича, на побережье, тулес встречался довольно часто.

К числу типичных гнездовых стаций тулеса, которых он довольно строго придерживается, относятся сухие возвышенные участки, иногда по соседству с каменистыми россыпями, а также сухие морские и речные берега.

На Таймырском озере в 1947 году тулес впервые был замечен 10 июня. В 1948 году прилёт тулесов здесь не был прослежен. На морском побережье в 1949 году тулес появился 13 июня. Пролёт происходил в восточном и северо-восточном направлениях. Дважды отмечено, что небольшие группы тулесов летели вместе с гуменниками *Anser fabalis*.

14 июля 1947 была встречена пара тулесов, у которой, судя по беспокойному поведению, были уже птенцы. В 1949 году единственное гнездо с полной кладкой было найдено 14 июля, а 3 августа оно уже было покинуто. Родители с птенцами держались вблизи гнезда. Птенцы поднялись на крылья в 1949 году к 10-15 августа. Так, 11 августа я не нашёл вблизи гнезда указанной пары тулесов, а 13 августа исчезла другая пара, за которой тоже велись наблюдения.

В период насиживания самец держится вблизи гнезда. Благодаря этому обнаружить гнездо очень трудно. Видя приближающегося человека, самец ещё издали начинает издавать тревожные крики, слыша которые самка сразу же покидает своё гнездо. Поэтому самку тулеса,

сидящую на гнезде, нельзя застать врасплох, как это случается с другими куликами.

В манере отводить у тулесов заметны большие индивидуальные различия. Одни ограничиваются тревожными криками и держатся на почтительном расстоянии, другие сопровождают эти крики известными телодвижениями, долженствующими показать беспомощность птицы. Другие, уводя от гнезда, бегут, опустив голову и часто приседая. Во время этих остановок тулесы поднимают поочерёдно то одно, то другое крыло.

Тулесы (самцы) активно защищают своё гнездо. Неоднократно приходилось видеть, как они нападали в воздухе на поморников и чаек, появлявшихся вблизи их гнёзд. Всё же приходилось видеть, как поморники разоряли гнёзда тулесов. Может быть, в действительности урон от поморников невелик, если учесть, что в данных случаях косвенной причиной разорения гнёзд был человек, из-за присутствия которого тулесы оставляли гнёзда.

В 1949 году иногда приходилось видеть, что взрослые тулесы кормились и летали вместе с краснозобиками. Двух последних одиночных тулесов я видел 22 августа 1949.

Бурокрылая ржанка
Charadrius dominicus fulvus (J.F.Gmelin, 1789)

Бурокрылая ржанка на Северном Таймыре относится к числу обычных, часто встречающихся видов. Однако на морском побережье в районе бухты Книповича бурокрылая ржанка была отмечена лишь несколько раз на весеннем пролёте, а на гнездовье не встречена ни разу. Единственную гнездящуюся пару я нашёл в устье реки Нижняя Таймыра, в районе бухты Особенной. Поэтому можно считать, что северная граница гнездового ареала ржанки на Таймыре до морского побережья немного не доходит.

Если хрустана можно назвать птицей возвышенной и даже горной тундры, а плосконосого плавунчика, краснозобика, чернозобика, малого веретенника и кулика-воробья – видами, свойственными низменной тундре, то бурокрылая ржанка занимает в этом отношении промежуточное место. Пологие склоны или невысокие плато, занятые пушицево-моховой или пушицево-дриадово-моховой тундрой, составляют типичное местообитание бурокрылой ржанки.

Прилетают ржанки на Северный Таймыр не раньше 10 июня. Так, в 1947 году они появились на Таймырском озере 11 июня, в 1948 – 12 июня и в 1949 (на побережье) – 10 июня.

Сразу же после прилёта ржанки начинают свои тока, которые продолжаются довольно долго. Токовые крики ржанок иногда приходилось слышать в середине и даже в конце июля. Большей частью самец

токует в воздухе и реже – сидя на земле. Дней через десять после прилёта ржанки начинают отводить, что свидетельствует о начале кладок. Приходилось встречать поздние кладки. Так, в 1947 году гнездо ржанки с 2 яйцами было найдено 5 июля. 14 июля в этом гнезде была полная кладка. Запаздывание было обусловлено поздним освобождением участка из-под снега.

Манера отводить неизменна у большинства ржанок. Издали завидев человека, самец начинает издавать своё меланхолическое посвистывание. Слыша крики самца, самка незаметно покидает гнездо и присоединяется к самцу. Благодаря этому обнаружить гнездо ржанки очень трудно. Птицы всё время держатся на почтительном расстоянии и сопровождают человека на 200-300 м от гнездового участка. Таким же образом отводят ржанки и после появления выводков.

Как и у тулесов, самцы у бурокрылых ржанок во время насиживания в большинстве случаев находятся вблизи гнёзд и, может быть, принимают участие в насиживании. Участвуют самцы и в выкармливании птенцов. Птенцы у ржанок появляются в конце июля. В 1946 году первые выводки с нелётными птенцами были замечены 25 июля, а в 1947 году – 29 июля. 31 июля был замечен выводок, в котором молодые уже умели летать.

Отлетают ржанки в конце августа. В 1947 году последние ржанки замечены 21 августа, а в 1948 – 29 августа. В 1949 году последние бурокрылые ржанки (молодые экземпляры) улетели 8 сентября.

Хрустан *Charadrius morinellus* Linnaeus, 1758

Хрустан на Северном Таймыре распространён всюду, но количество его к северу заметно сокращается.

В отношении приуроченности к определённого типа местообитаниям хрустана можно назвать видом стенотопным. Излюбленными местообитаниями хрустана являются каменистые россыпи, сухая щебенчатая или дриадово-пятнистая тундра. Посещают хрустаны также каменистые вершины гор и холмов. Только весной, вскоре после прилёта, их можно встретить на первых проталинах равнинной пушицево-моховой тундры. Гнёзда свои хрустаны устраивают на сухой или каменистой тундре, поблизости от каменистых россыпей, там, где камни в той или иной степени успели покрыться дёрном. На голых каменистых россыпях, где гнездятся пуночки *Plectrophenax nivalis*, гнёзд хрустана встречать не приходилось.

В 1948 году первое токование хрустана я услышал 13 июня, а в 1949 (на побережье) – 22 июня. Токовать хрустаны начинают сразу же после прилёта, так как прилетают они уже разбившись на пары. Летом, наряду с гнездившимися особями, приходилось часто встречать кочующие стайки до десятка птиц в каждой. Токовая песня хрустана

состоит из негромкого равномерного посвистывания, которое самец издаёт, летая на большой высоте. Реже самцы токуют на земле. Токовой полёт может быть довольно продолжительным. Закончив ток, самец камнем падает на землю, к ожидающей его самке. Токующих хрустанов можно услышать в любое время суток. Однако чаще они токуют днём, а не ночью. Тока хрустанов кончаются в последних числах июня или в первых числах июля, в зависимости от широты района и общего хода весны.

Первая полная кладка в 1947 году была найдена 25 июня. Но 31 июля в этом же районе было найдено гнездо с 3 яйцами. Была ли то поздняя, или вторичная кладка – сказать трудно. В 1948 и 1949 годах гнёзд хрустана мне встречать не приходилось.

О времени появления птенцов имеются следующие наблюдения. В 1947 году выводок хрустанов с 4 небольшими, хорошо бегающими, но ещё нелётными птенцами, был встречен 6 августа. В 1948 году выводок, состоявший из 1 птенца при взрослом, был встречен 23 июля. Птенец, судя по его величине, вывелся несколько дней назад, хорошо бегал и прятался. К середине августа молодые хрустаны начинают уже летать, хотя величиной заметно уступают взрослым. Все хрустаны, встреченные на гнёздах или с выводками, активно отводили, причём в приёмах отведения были заметны индивидуальные отличия.

В связи с характером местообитаний, на которых держатся хрустаны, можно предполагать, что основной их корм – пауки, т.к. именно они составляют наиболее заметную здесь группу беспозвоночных. В 1949 году бросилась в глаза резкая разница в упитанности хрустанов и других куликов. В то время как малые веретенники, краснозобики, плавунчики, исландские песочники, т.е. те виды, которые кормятся на сырой или заболоченной тундре, отличались исключительно хорошей упитанностью, хрустаны были очень тощими.

В связи с кормовыми условиями находится, по-видимому, и уменьшение количества хрустанов к северу. Если в районе Таймырского озера хрустана можно назвать обычным, нередко встречающимся видом, то в районе бухты Книповича его нужно отнести к редким видам, хотя типичных его местообитаний здесь не меньше. Обращало на себя внимание резкое уменьшение количества беспозвоночных, и в первую очередь пауков. Отлетают хрустаны во второй половине августа. В 1947 году последнюю стайку хрустанов я видел 31 августа, а последнего одиночного хрустана, летевшего на запад,– 1 сентября.

Восточный галстучник
Charadrius hiaticula tundrae (Lowe, 1915)

Галстучника можно назвать одним из самых характерных и наиболее часто встречающихся представителей отряда куликов на Север-

ном Таймыре. Распространён он вплоть до побережья Ледовитого океана, хотя на мысе Челюскина гнездящихся не найдено.

К числу характернейших местообитаний галстучника, которых, и только их, он неуклонно придерживается в гнездовое время, относятся галечные и песчано-галечные берега водоёмов. Он одинаково охотно селится как по берегам тундровых озёр и рек, так и по морским берегам. Важно, чтобы вдоль берегов встречались хотя бы незначительные по длине участки галечных россыпей. Здесь, прямо на гальке, он и устраивает своё гнездо, лишённое какой бы то ни было подстилки. Для гнезда выбирается наивысшая часть галечной россыпи, не подвергающаяся затоплению и заплеску даже в самую большую воду. На низменных сырых берегах, илистых или поросших травой, гнёзд галстучников мне встречать не приходилось. Не встречались они и по берегам, усеянным крупными камнями. Насколько тесно привязаны галстучники к вышеописанным местообитаниям, показывает следующий факт. В 1949 году во время длительной экскурсии от бухты Книповича к бухте Особенной я на протяжении 50 км не встретил ни одной пары галстучников, т.к. встречающиеся водоёмы (как озёра, так и реки) не имели характерных для галстучников типов берегов.

Прилетают галстучники одновременно с другими куликами примерно около середины июня. В 1947 году прилёт галстучников не был хорошо прослежен. Первое упоминание о галстучнике в дневнике относится к 20 июня. В 1948 году я впервые заметил галстучников 13 июня. В этот же день галстучники были замечены впервые и в 1949 году в районе бухты Книповича.

Подобно другим куликам, галстучник прилетает к местам своих гнездований уже разбившись на пары. Во всяком случае, мне ни разу не приходилось видеть более или менее значительных его стаек весной. Бóльшую часть времени вскоре после прилёта галстучники, как, впрочем, и другие кулики, проводят за поисками корма на ближайших к гнездовому участку проталинах. В 1949 году я видел, как галстучник сразу же после прилёта начал токовать над галечной россыпью, которая почти целиком была ещё под снегом. От снега на этой россыпи освободилась площадь, не превышающая 2-3 м^2. В то же время в 1.5 км к западу от этой россыпи имелась другая, на которой почти весь снег уже растаял. Этот факт, мне кажется, может служить доказательством того, что галстучники весной возвращаются точно на те же самые места, где они гнездились в предыдущем году.

Токовые полёты у галстучника в 1948 году закончились 24-25 июня. В 1949 году последние его песни я слышал 26 июня. В этот же день было найдено первое гнездо с 1 яйцом. По-видимому, тока у галстучников заканчиваются с началом кладок. Начало гнездования у галстучников хорошо прослеживается по манере отводить. До начала

кладок галстучники не отводят. Но как только в гнезде появится первое яйцо, они сразу же начинают применять свою характерную повадку. Обнаружить гнездо галстучника как с сидящей на нём птицей, так и без неё, очень трудно. При приближении к гнезду человека не меньше, чем за 100 м, самка сходит с него и незаметно отбегает в сторону. Гнездо же без птицы заметить трудно, потому что окраска яиц хорошо маскирует их под цвет гальки. Отсутствие в гнезде подстилки также содействует хорошей его маскировке. Следует отметить, что галстучник не пользуется для устройства гнезда какой-нибудь готовой ямкой, а специально устраивает её в гальке. В гнезде, за которым велись наблюдения, на дне гнездовой лунки находилось несколько угловатых кусочков кварца, собранных куликом. О том, насколько хорошо гнёзда галстучника маскируются на галечной россыпи, показывает следующий факт. Вблизи гнезда, за которым велись наблюдения, всё лето жила пара длиннохвостых поморников *Stercorarius longicaudus*. Последних часто можно было видеть сидящими недалеко от гнезда галстучника и бесчисленное множество раз они пролетали над ним. Однако это гнездо не было обнаружено поморниками, между тем как гнёзда других куликов (исландский песочник, краснозобик), а также белой куропатки *Lagopus lagopus* и лапландского подорожника *Calcarius lapponicus*, находящиеся на гнездовой участке этой пары поморников, были ими разорены.

Во время насиживания самец большей частью находится вблизи гнезда, но принимает ли он участие в насиживании, выяснить не удалось. В воспитании выводка участие принимают оба родителя.

Самец принимает активное участие в защите гнезда от пернатых хищников. Однажды я видел, как галстучник два раза атаковал серебристую чайку *Larus argentatus*, пролетевшую над гнездом и пытался её клюнуть сверху. Чайка, разумеется, не обратила на это никакого внимания.

О темпах кладки и порядке насиживания имеются следующие наблюдения, которые я вёл за одним и тем же гнездом. Вечером 26 июня я обнаружил в этом гнезде первое яйцо. Второе яйцо появилось 28 июня, третье – 30 июня и четвёртое – 2 июля. Таким образом, для полной кладки галстучнику требуется не больше 6-7 дней. В начале кладки самка сидит на гнезде немного, часто отлучается. Позже бóльшую часть времени самка проводит на гнезде и отлучается лишь на самые тёплые часы для поисков корма.

Так, например, 27 июня 1949 птицы не было на гнезде ни в 7 ч, ни в 8 ч 30 мин, ни в 9 ч 45 мин. В течение дня наблюдения за гнездом не велись. В 20 ч галстучник был на гнезде, но в 22 ч гнездо снова оказалось без самки. В 22 ч 30 мин самка прилетела с ближайшей проталины и села на гнездо, но в 23 ч 30 мин кулик снова покинул гнездо и

улетел, очевидно, кормиться. Оставление гнезда на длительный период не влечёт никаких вредных последствий для яиц, так как температура гальки значительно выше, чем температура воздуха. Так, в 9 ч 45 мин 27 июня при температуре воздуха 0° температура на поверхности гальки достигала 3.5°С. 29 июня, когда в гнезде было уже 2 яйца, галстучник также покидал его на длительное время, хотя в течение всего дня шёл снег, который на гальке таял. В дальнейшем галстучник покидал гнездо гораздо реже, причём делал это преимущественно в дневные часы.

Первые выводки галстучников были замечены в 1947 году 26 июля, а в 1948 – 25 июля. В 1949 году в наблюдаемом гнезде галстучника 24 июля были ещё яйца. С 24 июля до 1 августа я отсутствовал в районе наблюдений и не мог установить время появления птенцов. После возвращения (1 августа) гнездо оказалось пустым, а выводок с обоими взрослыми птицами держался в устье ближайшего ручья, где кулики кормились по вязким, илистым берегам.

Развитие птенцов идет быстро. Так, 8 августа 1948 я видел выводок, птенцы которого почти достигли величины родителей, но летать ещё не умели. Такое же положение наблюдалось и в выводке, встреченном 11 августа. В 1949 году в выводке, встреченном 11 августа, птенцы также были величиной со взрослых, но перелётывать могли только в исключительных случаях. Бегают птенцы очень хорошо и, идя даже быстрым шагом, догнать их трудно. 13 августа птенцы этого выводка могли уже перелётывать на небольшие расстояния, и с этого момента выводок покинул район гнезда. С 13 августа уже часто появлялись кочующие выводки галстучников. Спустя некоторое время галстучники начинают подаваться к югу. Так, 19 августа 1948 начали встречаться небольшие стайки (выводки) галстучников, летящие к югу вдоль реки Нижняя Таймыра. Исчезают галстучники в конце августа. В 1947 году последних галстучников на Таймырском озере я видел 30 августа. В 1948 году они исчезли 27, а в 1949 – 22 августа.

Принимая во внимание то, что галстучник как на Таймырском озере, так и в районе бухты Книповича является, как уже упоминалось, одним из обычнейших куликов, представляется весьма странным, что А.А.Бируля (1907) совершенно не встречал его здесь в 1901 году. Вероятно, галстучника в то время в районе работ А.А.Бирули не было, или он был очень редок, ибо, в противном случае, его нельзя было не заметить.

Камнешарка *Arenaria interpres* (Linnaeus, 1758)

Камнешарка встречалась нам преимущественно на морском побережье, где она может быть названа обычной, но не часто встречающейся птицей. Таким образом, в своем распространении в гнездовый

период камнешарка не обязательно связана только с морскими побережьями, но всюду она встречалась только вблизи водоёмов.

В районе бухты Книповича и Таймырского залива камнешарка встречалась в одинаковом количестве как около скалистых и вообще каменистых берегов, так и по берегам, лишённым каменистых россыпей и состоящим из рыхлых отложений. Однако и там и здесь камнешарки гнездились только на сравнительно возвышенных и сухих берегах и отсутствовали на низменных.

А.А.Бируля (1907) для района залива Миддендорфа считает камнешарку самой обыкновенной и самой характерной птицей. Этого никак нельзя сказать для района бухты Книповича и тем более нельзя назвать камнешарку «очень многочисленным» видом.

На Таймырском озере она была встречена лишь однажды в районе истока реки Нижняя Таймыра. 23 июля здесь были встречены в разных местах 2 отводившие камнешарки, но птенцов при этом найти не удалось. Пару камнешарок 24 июля 1949 я встретил около небольшого проточного тундрового озера в нижнем течении реки Малиновского. Впервые весной камнешарки были замечены 20 июня. Возможно, что прилетели они несколькими днями раньше, но я их не мог заметить по причине их малочисленности. Но во всяком случае они прилетели не раньше 15 июня.

Хотя мне не раз приходилось встречать отводившие пары камнешарок, но ни одного гнезда найти не удалось. Камнешарки очень осторожны и слетают с гнезда задолго до приближения человека.

Впервые молодых камнешарок без взрослых я увидел 26 августа. С этого времени и до отлёта они часто встречались на морских берегах как в отдельных, так и в смешанных стайках, причем эти стайки почти исключительно состояли из молодых куликов. Стайки кормились у заплеска. Некоторые молодые камнешарки, а также другие кулики (песчанки, краснозобики) постоянно держались около мест, где шла разделка рыбы, и подбирали разные измельчённые отбросы.

Как и все кулики, камнешарки исчезли в 1949 году поздно, причём взрослые исчезли раньше. Последних взрослых я видел 3 сентября, а последнюю пару молодых 8 сентября.

Краснозобик *Calidris testacea* (Pallas, 1764)

Краснозобик на Северном Таймыре встречался нам всюду, но в разном количестве. Если для Таймырского озера и реки Нижняя Таймыра его можно причислить к видам обычным, хотя и не часто встречающимся, то для прибрежной полосы в районе бухты Книповича это был один из самых многочисленных видов орнитофауны вообще и самый многочисленный вид из куликов.

Прилетает краснозобик одновременно с другими куликами. В 1947

году краснозобики появились в день массового прилета куликов – 10 июня. В 1948 году первые краснозобики были замечены и убиты 13 июня. Наконец, в 1949 году на побережье я впервые заметил краснозобиков 12 июня. Ввиду малочисленности наблюдений нельзя определённо сказать о направлении, в котором происходит весенний пролёт. На побережье моря краснозобики прилетают уже разбившись на пары. Пролёт их наблюдался как в северо-восточном, так и в юго-западном направлениях.

Сразу по прилёте у краснозобиков, как и у других куликов, начинаются тока и брачные игры. Они заключаются в том, что пары краснозобиков, или небольшие их группы, летают низко над землёй, делая быстрые и неожиданные повороты и издавая при этом характерные звуки.

В 1949 году массовые тока краснозобика в связи с общим запаздыванием фенологических явлений продолжались до середины июля. После этого можно было услышать лишь одиночные токовые крики.

Краснозобик, как и большинство других куликов арктической тундры, не встречается и не гнездится на возвышенных участках, занятых дриадово-пятнистой или щебнистой тундрой. Скорее всего его можно встретить на пушицево-моховых тундрах среднего увлажнения, занимающих приозёрные лайды и пологие склоны, а также долины рек и ручьёв. В соответствующей обстановке краснозобика можно встретить на гнездовье и на междуречьях. Водораздельные пушицево-моховые, мокрые или сырые болота краснозобик часто посещает с целью разыскивания корма.

О сроках гнездования имеются следующие наблюдения. В 1947 году гнездо краснозобика с полной кладкой было найдено 8 июля. В 1948 году первое такое же гнездо я нашёл 30 июня. В яйцах уже было заметно лёгкое покраснение зародышевой части желтка. В 1949 году спаривание краснозобиков пришлось видеть 2 июля, а 8 июля была найдена пустая гнездовая лунка, принадлежавшая паре краснозобиков. 10 июля было найдено гнездо с полной кладкой, яйца в котором были уже заметно насижены. Таким образом, гнездование в 1949 году началось не раньше первых чисел июля.

Обнаружить гнездо краснозобика очень трудно, так как насиживающая птица покидает его задолго до того, как к нему приблизится человек, причём она не отводит. К этому приёму краснозобик начинает прибегать только после появления птенцов. Всё же по некоторым особенностям поведения птицы можно заключить о наличии гнезда. Если гнезда нет, то потревоженный кулик или пара просто улетают и не возвращаются. При наличии же гнезда кулик, снявшись с него, часто делает круг над человеком и далеко от места нахождения гнезда не удаляется. Как хорошо выяснил А.А.Бируля (1907), у краснозобика в

насиживании яиц и воспитании птенцов принимают участие и самка и самец.

Птенцы у краснозобика появляются в начале третьей декады июля. В 1948 году 24 июля я встретил отводившего краснозобика, поведение которого несомненно говорило о наличии выводка, хотя самих птенцов мне и не удалось обнаружить. 31 июля 1948 был встречен выводок краснозобиков из 3 птенцов, по величине не уступавших взрослому и умеющих уже перелётывать. В 1949 году первые птенцы замечены 21 июля. В этот день было найдено гнездо, в котором были 2 только что появившихся птенца и 2 ещё не проклюнутых яйца.

Несмотря на то, что птенцы ещё не могли стоять на ногах, один из них начал уже выползать из гнезда. На следующий день были впервые замечены отводившие краснозобики, что говорило уже о покидании гнёзд.

Большей частью с выводками держались оба взрослых кулика. Однако, иногда встречались выводки только с одним взрослым.

Полностью овладевают искусством полёта молодые краснозобики не раньше первых чисел августа. Так, в 1948 году первый выводок с хорошо летающими птенцами замечен 2 августа. В 1949 году такой же выводок я впервые заметил 3 августа. Однако ещё 9 и 11 августа были замечены отводившие краснозобики, что указывало на наличие птенцов, ещё не научившихся даже перепархивать. Те из птенцов, которых при этом удалось видеть, были ещё очень малы и умели только бегать. Птенцы ещё полностью находились в эмбриональном пуху. Отсюда видно, насколько велика разница в сроках периодических явлений у птиц в разные годы.

Наряду с гнездящимися краснозобиками, в тундре, особенно во вторую половину лета, можно видеть кочевые их стайки. Но в заметном количестве такие стайки наблюдались только в районе бухты Книповича, тогда как вдали от морского побережья они не встречались. Образуются эти стайки, вероятно, из молодых холостующих куликов, а также из тех взрослых, у которых погибли кладки. Процент пар, у которых погибли кладки, в 1949 году был весьма значительным. При этом следует учесть, что в районе наблюдений отсутствовал песец, и разорением птичьих гнезд занимались, в основном, поморники. С течением времени таких кочевых стаек становилось всё больше, причём часто они находились вместе со стайками малых веретенников. Стайки обычно не превышали 1-2 десятков особей, но иногда в смешанных стаях насчитывалось до 150 особей. Наряду с энергичными поисками корма, любимым занятием таких кочевых стаек являлись быстрые полёты над тундрой с характерными для них внезапными зигзагами и поворотами. Эти воздушные эволюции, по всей вероятности, связаны с подготовкой к отлёту на далёкие зимовки.

В стайках кулики более осторожны, чем во время токов и гнездования. Появление кочевых стай на приморской тундре – явление не случайное. Его наблюдал также А.А.Бируля в 1901 году. Ничего подобного ни на Таймырском озере, ни по реке Нижняя Таймыра мне, как уже упоминалось, видеть не приходилось. Мне кажется, что приуроченность кочевых стаек краснозобиков к морскому побережью связана прежде всего с многочисленностью здесь этого вида по сравнению с районом Таймырского озера. Кроме того, возможно некоторое значение имеет и кормовой фактор. Более позднее таяние снега привлекает сюда куликов (холостых) из более южных районов, где кормовые ресурсы в виде личинок насекомых уже в значительной мере исчерпаны.

Насколько велика разница в количестве краснозобиков на побережье и в более южных районах, показывают следующие цифры. В 1948 году во время многочисленных экскурсий в районе бухты Ожидания и по берёгам реки Нижняя Таймыра на всём её протяжении я видел 28 особей краснозобика. В районе бухты Книповича почти во время каждой экскурсии, особенно во вторую половину июля, их можно было видеть по нескольку десятков.

Отлёт краснозобиков происходит в два приёма – сначала отлетают взрослые, а затем, иногда значительно позднее, молодые кулики-сеголетки. В 1948 году я видел последнего краснозобика 17 августа. В 1949 году первые стайки взрослых, направившиеся на юг, я заметил 15 августа. К 20 августа стайки краснозобиков состояли главным образом из молодых особей. Последний раз молодых краснозобиков в большой смешанной стайке (плавунчики, морские песочники и др.) я видел в сентябре.

Среднесибирский чернозобик
Calidris alpina centralis (Buturlin, 1932)

По северному и западному берегам Таймырского озера чернозобики встречались в 1947 и 1948 годах всюду, хотя и не особенно часто. Дальше к северу чернозобик не был встречен ни разу ни в 1947, ни в 1948 году. Не был он обнаружен и на побережье в районе бухты Книповича. Исходя из этого следует считать, что северный берег Таймырского озера является северным пределом распространения чернозобика на Северном Таймыре.

Прилетает чернозобик на Северный Таймыр одновременно с другими куликами, разбившись на пары. В 1947 году он впервые был замечен 10 июня, а в 1948 – 12 июня. Токуют чернозобики сразу после прилёта как в воздухе, так и на земле. Во время токования в воздухе самец, взлетев невысоко над сидящей на земле самкой, держится на одном месте, часто перебирая крыльями и издавая непрерывное трещанье. Токовая «песня» – частое *«ри-ри-ри»*.

О времени гнездования известно следующее. 28 июня 1948 было найдено гнездо чернозобика с полной кладкой. Гнездо находилось на вершине невысокой кочки и располагалась в дернине довольно глубоко. Свисающая над ним сухая трава хорошо маскировала гнездо. В яйце чернозобика, взятом из гнезда 1 июля, обнаружены лишь первые признаки насиживания, т.е. покраснение зародышевой части желтка.

Кулик-воробей *Calidris minuta* (Leisler, 1812)

Кулик-воробей принадлежит к числу обычных представителей отряда на Северном Таймыре и встречается одинаково часто как в районе Таймырского озера, так и на побережье. Прилетает кулик-воробей на Таймыр, кажется, несколько позже, чем другие виды куликов. Так, в 1947 году он впервые замечен 17 июня, в 1948 – 16 июня, а в 1949 году на побережье – 25 июня.

Как и другие кулики, кулик-воробей сразу же после прилёта разбивается на пары, и самцы начинают токовать. Эти «тока» заключаются в том, что 2-3 кулика, а иногда и больше, летают низко над землёй и издают при этом звуки, напоминающие чириканье воробьёв. Тока́ быстро кончаются. В 1948 году они прекратились уже 25-26 июня, а в 1949 году последнего самца, «токовавшего» в одиночку, я слышал 3 июля.

Кулик-воробей, как и большинство других куликов,– житель сырой тундры, на возвышенных, сухих пятнистых, каменистых или щебнистых тундрах не встречается. Свои гнёзда он предпочитает устраивать вблизи ручьёв, а при поисках корма излюбленными его стациями являются песчаные и илистые отмели рек, озёр и особенно моря, обнажающиеся во время отливов или при спаде воды. Кормятся куликиворобьи и на пушицево-моховой тундре, но и здесь предпочитают держаться вблизи ручьёв. Вообще, привязанность к воде у куликаворобья выражена более резко, чем у других куликов, исключая плавунчиков. Однажды я видел, как один кулик-воробей купался в ручье, чего за другими куликами наблюдать не приходилось.

Относительно сроков гнездования и выведения потомства имеются следующие наблюдения. В 1947 году 25 июня была убита самка, у которой в яйцеводе находилось вполне сформировавшееся яйцо. В 1948 году 24 июня впервые заметил пару куликов-воробьёв, которая неохотно покидала место своего пребывания и возвращалась к нему, что указывало на начало кладки. 30 июня того же года найдено 2 гнезда с полными кладками. Яйца были уже слегка насижены: в одном в центре желтка имелось легкое покраснёние, в другом образовался сгусток до 1 см в диаметре.

Выводки появляются в конце июля. Так, в 1947 г. я видел 26 июля отводившего кулика-воробья, у которого можно было предполагать на-

личие выводка. 1 августа 1947 я впервые увидел выводок, состоявший из очень маленьких птенцов, еле умевших передвигаться. В 1948 году последние гнезда с кладками были встречены 15 июля (3 яйца) и 17 июля (полная кладка), а 19 июля были найдены 2 гнезда, в одном из которых было 2 пуховика и 2 яйца, а в другом – 4 пуховика. 31 июля были встречены уже хорошо летающие выводки. В 1949 году выводок куликов-воробьёв с хорошо бегающими, но еще не умеющими перелётывать молодыми, был встречен 26 июля. Молодые были уже примерно в половину величины взрослых. С другой стороны, в том же году 1 августа был встречен выводок, в котором птенцы только что появились и находились ещё в гнезде.

Гнездо представляет собой небольшое углубление в дернине и устраивается на какой-нибудь сухой кочке на берегу ручья и пр. Гнездо обычно не имеет никакой другой настилки, кроме небольшого количества сухих листочков полярной ивы.

Формирование стай перед отлётом начинается сразу после того, как молодые научатся летать, причем нередко кулики-воробьи держатся в смешанных стаях (вместе с другими песочниками). Особенно крупные смешанные стаи мне довелось наблюдать в устье Нижней Таймыры. Здесь эти стаи насчитывали по несколько сот экземпляров. Они временами кружились в воздухе, а большей частью кормились на илистых отмелях островов, обнажающихся во время отлива.

Отлёт куликов-воробьёв наблюдался в следующие сроки. В 1947 году последнюю стайку я видел 15 августа. В 1948 году первые стайки по 6-7 особей, направлявшиеся к югу, были замечены 3 августа. В дальнейшем величина и количество стаек стали увеличиваться. Последнюю стайку в том же году я видел 7 сентября. Наконец, в 1949 году последних куликов-воробьёв, державшихся на илистых отмелях в устьях ручьёв вместе с другими куликами, я видел 3 сентября.

Белохвостый песочник *Calidris temminckii* (Leisler, 1812)

На южном берегу Таймырского озера А. И.Толмачёв (Тугаринов, Толмачёв 1934) видел и добывал белохвостых песочников и установил факт их гнездования здесь. К северу от озера белохвостый песочник совсем не был встречен. В районе бухты Омулёвой он, по наблюдениям Гизенко (устн. сообщ.), многочислен и гнездится здесь. Таким образом, северная, граница гнездования этого вида на Таймыре проходит в настоящее время примерно по 74°30′ с.ш.

Кулик-дутыш *Calidris melanotos* (Vieillot, 1819)

В районе бухты Ожидания дутыш является, по-видимому, постоянно гнездящимся видом, так как встречался здесь на гнездовье и в 1947, и в 1948 годах. Однако количество его здесь невелико, поскольку

он находится на западном пределе своего ареала. Кроме района бухты Ожидания, дутыш на Северном Таймыре был встречен единственный раз, 17 августа, в количестве нескольких экземпляров на притоке реки Траутфеттер. Таким образом, северную границу его ареала на Северном Таймыре нужно отодвинуть до 75°30′ с.ш. В районе бухты Книповича дутыш не был обнаружен и, видимо, до морского побережья его гнездовой ареал не доходит.

Прилетает дутыш на Таймырское озеро одновременно с другими куликами. В 1947 году он появился здесь 10 июня. В 1948 году я впервые услышал характерный ток дутыша 21 июня. Однако, учитывая общую редкость здесь дутыша, я думаю, что прилетел он раньше, но до 21 июня мне не попадался.

Первое гнездо дутыша с 3 яйцами было найдено 26 июня 1947. Самка, сидевшая на гнезде, подпустила меня очень близко, затем покинула гнездо и, притворившись больной, опустила крылья и заковыляла прочь. 12 июля была встречена самка дутыша, беспокойное поведение которой говорило о наличии выводка, а 14 июля я встретил другую самку с 2 очень маленькими пуховиками, появившимися не раньше, чем 3-4 дня назад.

Сроки отлёта дутыша с Северного Таймыра не прослежены.

Восточный исландский песочник *Calidris canutus canutus* (Linnaeus, 1758)

Ни на Таймырском озере, ни на реке Нижняя Таймыра исландский песочник не был обнаружен. Толмачёв (1934) на южном берегу Таймырского озера дважды встретил одиночные экземпляры исландского песочника, поэтому можно утверждать, что гнездится исландский песочник лишь вблизи морского побережья. Действительно, в 1949 году в районе бухты Книповича исландский песочник встречался часто и гнездился.

Впервые весной я увидел исландских песочников 21 июня в день массового их прилёта. Кулики держались небольшими стайками. В тот же день вечером я впервые услышал их токовую песню.

Так же, как и А.А.Бируле (1907), мне не удалось подметить какой-либо правильности в чередовании токовых песен и периодов покоя в течение суток. Токовые песни можно услышать круглые сутки (в ночные часы значительно реже), но в некоторые часы тундра молчит. Эти часы молчания неопределённы, т.е. в разные дни они приходятся на разное время. Говорить о зависимости токов от условий погоды невозможно ввиду недостаточного количества наблюдений. Можно, однако, сказать, что наиболее часто токовые песни раздаются при сравнительно тёплой и тихой погоде, хотя их можно услышать и в дурную погоду и даже при густом тумане.

Гнездование начинается вскоре после прилёта. Первое гнездо с полной кладкой (4 яйца) я нашел 2 июля 1949. О начале кладок можно судить по поведению куликов, которые при приближении человека к гнезду начинают издавать тревожные крики. С началом насиживания кулики очень энергично отводят от гнезда, притворяясь больными. Когда перестаешь обращать внимание на отводящую птицу и хочешь повернуть к гнезду, она для привлечения внимания вспархивает и вскрикивает при этом.

Проследить появление птенцов мне не удалось. Все ближайшие к лагерю гнёзда были разорены поморниками. Первых птиц, местонахождение и поведение которых говорило о наличии покинувших гнёзда выводков, я встретил 6 августа.

По мнению А.А.Бирули (1907), у исландского песочника нет резко выраженной привязанности к определённого типа местообитаниям. Однако, из трёх обнаруженных мною гнезд, все они помещались на сравнительно сухих местах вблизи каменистых россыпей. Хотя исландский песочник и встречался мне на Северном Таймыре только вблизи морского побережья, его, однако, нельзя назвать видом, приуроченным лишь к узкой прибрежной полосе. Он был встречен также на водоразделе между бухтой Книповича и Таймырской губой.

Из всех случаев встреч исландского песочника у гнёзд и с выводками мне пришлось видеть лишь одну взрослую птицу. Поэтому я склонен думать, в противоположность А.А.Бируле, что в насиживании яиц и воспитании птенцов участие принимает один взрослый, причём, по наблюдениям А.А.Бирули, это чаще всего самец.

При большом количестве среднего поморника *Stercorarius pomarinus*, как это было в 1949 году, много гнёзд исландского песочника, как, впрочем, и других куликов, подверглось уничтожению. Из трёх гнёзд, найденных летом 1949 года и имевших полные кладки, все были разорены и именно поморниками, в чём мне пришлось убедиться из непосредственных наблюдений. Одинаковое участие в грабеже гнёзд принимал вместе со средним и длиннохвостый поморник. Указанные гнёзда находились вблизи излюбленных кочек поморников, на которых они отдыхали. Интересно, что поморник уничтожает гнёзда птиц даже не будучи голодным. Так, 7 июля я нашёл в гнезде исландского песочника, разоренного длиннохвостым поморником, только 3 яйца (из 4), причем 2 из них были расклеваны и содержимое наполовину выпито, а третье – только слегка надклюнуто и содержимое не тронуто. Через 2-3 дня поморник возвратился к этому гнезду и докончил остальное.

Мне ни разу не пришлось видеть, чтобы исландский песочник пытался нападать на поморников или чаек, когда они появлялись вблизи гнезда или выводка. Иногда в таких случаях исландский песочник

приближался к летящему поморнику и летел впереди него на очень близком расстоянии. Учитывая склонность поморников преследовать в воздухе мелких птиц, этот приём, несомненно, является своего рода отведением врага от гнезда или выводка. К такому же приёму прибегает иногда и краснозобик.

5 августа в смешанных стайках куликов я видел исландских песочников, уже заметно изменивших свой летний наряд. Они потеряли яркую рыжую окраску брюшной стороны и сменили её на белесоватую.

Массовый отлёт исландских песочников проследить не удалось, но произошёл он не раньше 20 августа, когда я видел стайки этих куликов, кормившиеся по берегам лагун и в устьях ручьёв. Последнего молодого исландского песочника я видел 1 сентября.

Е.С.Короткевич (устн. сообщ.) встречал исландских песочников на острове Октябрьской революции.

Морской песочник *Calidris maritima* (Brünnich, 1764)

Так же, как и исландский песочник, морской песочник был встречен только на морском побережье, но и то не на гнездовье, а лишь на весеннем и осеннем пролётах. На Таймырском озере был добыт единственный пролётный экземпляр весной 1948 года.

А.А.Бируля (1907) относит этот вид к «довольно обыкновенным» для прибрежной полосы Северного Таймыра, причём в его время этот кулик даже был найден гнездящимся.

Весной 1949 года мне пришлось единственный раз наблюдать и добыть этого кулика в день массового прилета – 21 июня. Песочники держались стайками по 3-6 шт. в каждой. На другой день они все исчезли и до середины августа мы их в этом районе не встречали. 16 августа я видел стайку из 10 взрослых морских песочников. Вероятно, это была отлётная стайка, так как позже взрослых морских песочников больше видеть не приходилось.

Молодые морские песочники наблюдались в течение всего сентября. В это время до замерзания тундры они держались главным образом на полосе заплеска по берегам Таймырской губы, а также около рыборазделочного пункта, где подбирали различные мелкие остатки от разделки рыбы. Их часто можно было видеть и в смешанных стайках, где кроме морских песочников были краснозобики, плавунчики, песчанки и другие кулики.

6 сентября наблюдался, по-видимому, массовый отлет молодёжи. В этот день я на торфяно-илистом заплеске мыса Остен-Сакен видел смешанную стайку куликов, насчитывающую около 100 особей. Кулики оживленно кормились и были очень доверчивы. Позже я встречал лишь одиночных морских песочников. После 12 сентября, когда тундру уже сковало морозом и выпал снег, я видел на заплеске около домов

лишь одного, запоздавшего с отлётом, морского песочника, который, очевидно, был обречён на гибель. Он просуществовал до 1 октября, после чего исчез. В это время температура воздуха по ночам опускалась уже до минус 7-9°С.

Е.С.Короткевич (устн. сообщ.) нередко встречал морских песочников на острове Октябрьской революции, а на острове Голоменном обнаружил их на гнездовье. На Северном Таймыре этот кулик гнездится, по-видимому, только на полуострове Челюскина.

Турухтан *Philomachus pugnax* (Linnaeus, 1758)

Турухтан на северном берегу Таймырского озера появляется только во время весеннего пролёта, да и то очень редко. Весной 1947 года удалось добыть одного самца из стайки, состоящей из 3 особей. Дважды пришлось видеть турухтана весной 1948 года. Этим и исчерпываются все наблюдения над ним. Несомненно, что севернее Таймырского озера турухтан не гнездится.

Песчанка *Crocetia alba* (Pallas, 1764)

В 1947 году на северном побережье Таймырского озера песчанка вовсе не встречалась ни на весеннем, ни на осеннем пролёте, ни гнездящейся. А.И.Толмачёв (Тугаринов, Толмачёв 1934) на южном берегу озера дважды видел пару этих птиц и хотя гнезд при этом не обнаружил, но допускает возможность гнездования песчанок южнее Таймырского озера. В 1948 году одна песчанка была добыта во время пролёта 8 июня и встречена на гнездовье на южном берегу озера Энгельгардт. Здесь 4 и 6 августа я видел молодых песчанок (без взрослых) и встретил двух отводивших взрослых куликов, один из которых был добыт. Затаившихся птенцов найти не удалось. Совершенно иную картину мне пришлось наблюдать в 1949 году на морском побережье. Здесь песчанка встречалась относительно часто, и я находил её гнезда и выводки. Впервые весной песчанки появились здесь 21 июня. Это был день массового прилёта куликов, которые встречались до этого времени лишь единичными экземплярами. Песчанки держались небольшими стайками по 3-5 шт. в каждой. Но уже на другой день и в дальнейшем я встречал их только парами и одиночками.

Песчанка – один из самых молчаливых куликов арктической тундры, что отмечал ещё А.А.Бируля (1907). Мне лишь один раз удалось видеть токование этого кулика и слышать его голос. Токование заключалось в том, что группа из трёх куликов быстро летала невысоко над проталиной, причём кулики издавали звуки, напоминающие трещание. При тревоге песчанки издают короткое посвистывание, но не такое громкое и отрывистое, как у токующего хрустана. Песчанка очень доверчива и подпускает к себе на близкое расстояние.

Гнездо песчанки с 3 яйцами я нашел 6 июля 1949. Оно представляло собой простое углубление в дёрне на небольшом сухом бугорке и располагалось на окраине большой каменистой россыпи. Кажется, песчанка вообще предпочитает гнездиться на возвышенной тундре по соседству с каменистыми россыпями. Её гнёзда и выводки в дальнейшем я находил именно в таких местах. На следующий день в гнезде было уже 4 яйца.

26 июля я видел песчанку, которая отводила уже не так, как они это делали прежде. Она делала это более энергично и издавала при этом предостерегающие крики, предназначенные, очевидно, для птенцов, хотя ни одного пуховика я не нашёл. Следует заметить, что обнаружить маленького пуховика, затаившегося в какой-нибудь ямке, очень трудно, настолько хорошо окраска его пухового наряда гармонирует с видом окружающей почвы и растительности.

Птенцы в ближайшем к дому гнезде, за которым я вел регулярные наблюдения, вывелись между 24 июля и 2 августа, когда меня в районе наблюдений не было. 5 августа я встретил отводившую песчанку с 1 пуховиком, который был меньше кулика-воробья и не умел ещё быстро бегать. 9 августа была встречена другая отводившая песчанка с совсем крошечным пуховиком, ещё слабо державшимся на ногах. Последнюю отводившую песчанку я встретил 22 августа. Во всех случаях при выводке была только одна взрослая птица, причём, когда я застрелил одну из них, то это оказался самец. А.А.Бируля (1907) в аналогичном случае также добыл самца. Поэтому можно считать установленным, что у песчанки все заботы о потомстве выполняет самец.

Мне ни разу не пришлось видеть выводок песчанок с перелётывающими птенцами. Это подтверждает наблюдения А.А.Бирули, согласно которым песчанки немедленно покидают свои выводки, как только молодые поднимутся на крылья.

Последний раз взрослых песчанок в 1949 году в количестве 5 особей я видел 29 августа. После этого встречались только стайки молодых, в которых были также плавунчики, краснозобики, ржанки, морские песочники. Кулики кормились по илистым устьям ручьёв или по морскому берегу, там, где заплеск сложен рыхлыми наносами. Особенно много молодых куликов держалось в том месте, где море размывало торфяный берег, благодаря чему на заплеске образовалась площадка, сложенная из мощного слоя перемытого водой торфа, очевидно богатого мелкими беспозвоночными.

Щёголь *Tringa erythropus* (Pallas, 1764)

Единственный, очевидно залётный, экземпляр щёголя был добыт 14 августа 1947 на северном берегу Таймырского озера в восточной его части. Больше этого вида ни встречать, ни добывать на Северном

Таймыре не приходилось. Не обнаружил его и А.И.Толмачёв (Тугаринов, Толмачёв 1934) на южном берегу Таймырского озера.

Плосконосый плавунчик *Phalaropus fulicarius* (Linnaeus, 1758)

Плосконосый плавунчик встречался нам на Северном Таймыре всюду, однако гнездящимся он был обнаружен только на Таймырском озере. Интересно, что А.А.Бируля (1907) также не обнаружил плавунчика на гнездовье в окрестностях рейда «Зари» на Таймыре в 1901 году. Исходя из этого можно считать, что плавунчик, по-видимому, вообще не гнездится по морскому побережью северо-западного Таймыра. Но он ежегодно здесь появляется летом, причём держится преимущественно в стайках. Летом эти стайки комплектуются главным образом из самок, покинувших гнёзда после откладки яиц, а также из холостых особей обоего пола. В конце лета здесь появляются стайки молодых плавунчиков. Нигде из посещённых мною районов плавунчик не может считаться многочисленным, а местами он даже редок. Так, например, он ни разу не был встречен летом 1948 года на реке Нижняя Таймыра, до устья реки Бунге, т.е. на протяжении больше 130 км.

Прилетает плавунчик на Северный Таймыр весной определённо позже других куликов. В 1947 году он впервые был замечен и добыт на Таймырском озере 20 июня, т.е. спустя 8-9 дней после массового прилёта других куликов. В 1948 году плавунчик появился также 22 июня, а в районе бухты Книповича в 1947 году – 6 июля. Возможно, что более поздние сроки прилёта у этого вида установились в связи со сроками появления в тундре открытой воды. Последняя в виде озерков, луж, ручьёв появляется здесь значительно позже того, как начнёт таять снег.

У плосконосого плавунчика не обнаружено даже намёков на какие-либо тока и брачные игры, так характерные для других куликов.

Ни одного гнезда плосконосого плавунчика не было найдено (что также отчасти говорит о его сравнительной малочисленности), однако, нет никаких сомнений в том, что в районе Таймырского озера, может быть и севернее, плавунчик этот гнездится. Об этом говорят наблюдавшиеся случаи спаривания. Кроме того, 28 июля 1947 на ручье Гусином наблюдался плавунчик с 2 пуховиками. Летом 1948 года несколько раз встречались отводившие плавунчики, но ни гнёзд, ни пуховиков обнаружить не удалось. В районе бухты Книповича плавунчики наблюдались только в стайках, в которых преобладали самки. Кладок, отводивших самцов, а также выводков встречать здесь не приходилось.

Приобретя способность хорошо плавать, плосконосый плавунчик тем самым занял новую экологическую нишу и неизмеримо расширил

свои пищевые ресурсы, недоступные для других куликов тундры. Плавунчик находит корм на поверхности воды на самых разнообразных водоёмах, начиная от небольших временных луж и кончая поверхностью моря. Странно, что такой практически неисчерпаемый источник корма, как океан, используемый плавунчиком почти в течение круглого года, не привёл к заметному увеличению его количества в сравнении с другими видами куликов.

Несколько раз приходилось наблюдать, как плосконосые плавунчики кормились в очень мелких (не глубже 10 см) лужицах и ручейках с илистым дном. Они вертелись на воде, взбучивая лапками воду, и быстро склёвывали при этом какую-то полумикроскопическую живность с поверхности. Однако при осмотре илистого осадка таких луж и ручьёв обнаружить каких-либо животных не удалось. Поэтому следует предположить, что плавунчик, возможно, способен видеть микроскопические существа, недоступные невооружённому глазу.

Интересно, что за таким занятием замечались плавунчики только в 1947 году, тогда как летом в 1948-м в том же районе ни одного плавунчика, занятого такими поисками корма, видеть не приходилось.

Не приходилось встречать плавунчиков и на поверхности бурных ручьёв.

В середине августа 1948 года, когда начались заморозки и многие насекомые погибли, плавунчиков часто можно было видеть на поверхности реки Нижняя Таймыра занятых собиранием мёртвых насекомых. Среди насекомых, встречавшихся на поверхности воды, попадались мошки, мелкие мухи, наездники и др. Вместе с насекомыми по воде плыло много мелкого мусора, сдутого ветром с берегов, среди которого встречались пушинки с семенами растений. Кроме плавунчиков этим поверхностным кормом интересовались также рыбы, как об этом можно было судить по характерным и часто появляющимся кругам на поверхности воды.

Особенно обильный корм плавунчикам доставляет, по-видимому, прибрежная полоса моря во время прибоя. Осенью 1949 года наблюдались стаи молодых куликов, кормившиеся у заплеска, причём плавунчики неизменно предпочитали искать корм не на заплеске, а на поверхности взбученной воды. При этом их не смущали большие волны с пенистыми гребнями, опрокидывающимися у берега. Перепорхнув через такую волну, плавунчик снова усаживался на воду и продолжал быстро клевать морских животных.

В пресных водоёмах плавунчики также питаются планктонными организмами. В некоторых озерках развивается большое количество различных планктонных организмов, которые привлекают сюда не только плавунчиков, но также гаг и морянок. Но не меньшее значение для плавунчиков в тундре имеет также наземный корм, используемый

другими куликами. За разыскиванием его плавунчики проводят не меньше времени, чем за разыскиванием водного корма. Правда, наземный корм разыскивается обыкновенно тут же вблизи водоёма на сырой или глинистой тундре.

Весной приходилось видеть плавунчиков на подснежном льду, где их интересовали беловато-розовые личинки тундреного мотыля, местами довольно многочисленные.

В связи с особенностями биологии, летние местообитания гнездящихся плавунчиков приурочены, как правило, к пониженным частям рельефа, с обязательным наличием тех или иных водоёмов. Участки низменной пушицево-моховой тундры с часто встречающимися водоёмами в виде ручьёв, луж, небольших озерков – любимое его местообитание. Совершенно отсутствуют плавунчики на водораздельных возвышенных участках, лишённых водоёмов и занятых пятнисто-дриадовой тундрой. На водоразделах с сырой или заболоченной пушицево-моховой тундрой плавунчики встречаются.

Осенью на морском побережье мне чаще всего приходилось встречать плосконосых плавунчиков у морского берега, где они кормились на воде или в устьях ручьёв по илистым берегам. Осенью молодые плавунчики часто были видны у рыборазделочных пунктов, где они подбирали мелкие кусочки рыбы, получающиеся при её разделке.

Перелинявшие в зимний наряд особи в 1948 году были встречены 13 августа, а в 1949 году – 5 августа.

Первые стайки в 1948 году замечены на реке Нижняя Таймыра 18 августа, а в 1949 году в районе бухты Книповича – 19 июля.

В 1949 году первую большую, очевидно отлётную, стайку плавунчиков, в которой было не меньше 80-100 особей, пришлось видеть 6 августа на кромке льда в куту бухты Книповича. Кулики спали, расположившись частью на льду, а частью на воде. В это время отлетела, видимо, основная их масса, так как позже они встречались здесь редко и в небольшом количестве.

Последний раз плавунчики, в числе примерно одного десятка, наблюдались 8 сентября. Плавунчики находились в большой смешанной стайке, где преобладали краснозобики и морские песочники.

Круглоносый плавунчик
Phalaropus lobatus (Linnaeus, 1758)

Единственный экземпляр круглоносого плавунчика был добыт П.С.Свирненко на северном берегу Таймырского озера 4 июля 1944. В дальнейшем этот вид ни на озере, ни к северу от него встречать не приходилось. А.И.Толмачёв (1934) добыл 3 экземпляра круглоносых плавунчиков на южном побережье Таймырского озера, но на гнездовье здесь этот вид также не найден.

Западный малый веретенник
Limosa lapponica lapponica (Linnaeus, 1758)

В распространении малого веретенника на Северном Таймыре обращает на себя внимание спорадичность. В районе бухты Ожидания он замечался ежегодно в количестве нескольких негнездящихся экземпляров. Вдоль северного берега Таймырского озера от бухты Ожидания до залива Яму-Байкур я лишь дважды видел малого веретенника летом 1948 года В восточной части озера, на низменной лайде, в устье безымянной речки было встречено в середине августа несколько десятков малых веретенников.

Вдоль реки Нижняя Таймыра летом 1948 года малый веретенник был замечен единственный раз на острове Бетлинг в количестве двух, по-видимому гнездившихся, пар.

Наконец, в районе бухты Книповича летом 1949 года малый веретенник встречался часто и в большом количестве.

В 1947 году прилёт малого веретенника не был прослежен. В 1948 году он был замечен впервые 16 июня. Птицы летели на восток и на север. В 1949 году, на побережье, малые веретенники весной также были впервые замечены 16 июня.

За три лета мне не удалось найти на Таймыре ни одного гнезда малого веретенника. Не удалось этого сделать также Бируле и Толмачёву. Однако несомненно, что малый веретенник на Северном Таймыре гнездится, в чём убеждают следующие факты. 26 июля 1948 в истоке Нижней Таймыры на острове Бетлинг была встречена пара веретенников, энергично отводивших. Ни гнезда, ни птенцов при этом найти не удалось. В 1949 году у самки малого веретенника, убитой 29 июня в районе бухты Книповича, яичник оказался чрезмерно увеличенным, причём самый крупный фолликул достигал в диаметре 2 см. Эта самка, несомненно, должна была гнездиться.

Во время прилёта в 1949 году малые веретенники на побережье наблюдались не часто и крупных стай не образовывали. Последние начали попадаться не раньше 10 июля, причём в самых больших стайках насчитывалось до 80-100 особей. Эти стайки состояли из кочующих, не гнездившихся особей. Они часами кормились на участках сырых пушицево-моховых тундр, на торфяно-бугристых полигональных болотах, на сырых речных лайдах. Часто также можно было заметить в отдалении стайки веретенников, носившихся над тундрой. Их легко узнать по характерному виражирующему полёту.

Кулики при кормлении неизменно оказывали главное внимание тем участкам тундры, которые лишь недавно освободились от снега. Иногда вместе с ними кормились небольшие стайки краснозобиков, исландских песочников и камнешарок. Основным кормом куликов на перечисленных выше участках являлись личинки тундреного мотыля,

встречавшиеся местами в большом количестве. Не оставляли кулики без внимания и личинок других насекомых, а также дождевых червей. Об обилии корма можно было судить уже по одному тому, что все убитые экземпляры куликов отличались исключительной жирностью.

Учитывая сравнительно позднее появление на побережье кочующих стай малого веретенника и их пристрастие к поискам корма на местах, недавно освободившихся от снега, можно предполагать, что эти стайки двигаются в тундре с юга на север по мере таяния снега. Основная масса кочующих стай веретенников исчезла из района бухты Книповича в первых числах августа. Позже попадались лишь небольшие их стайки и одиночные особи. Последний раз я видел малых веретенников 22 августа. Стайка их из 4 особей летела в восточном направлении.

Литература

Бируля А.А. 1907. Очерки из жизни птиц полярного побережья Сибири // *Зап. Акад. наук по физ.-мат. отд.* Сер. 8. **18**, 2: I-XXXVI, 1-157.

Тугаринов А.Я., Толмачёв А.И. 1934. Материалы для авифауны Восточного Таймыра // *Тр. Полярной комис.* **16**: 1-47.

Шапошников Л.К. 1952. Опыт классификации птиц (отряд куликов) на основе их питания // *Докл. АН СССР*. Нов. сер. **84**, 6: 1257-1260.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск **603**: 1834-1836*

О размножении тонкоклювой камышевки *Acrocephalus melanopogon* в Восточном Приазовье

Л.В.Маркитан

*Второе издание. Первая публикация в 2001**

Тонкоклювая камышевка *Acrocephalus melanopogon* распространена в Средиземноморье, Малой, Средней и Центральной Азии. Однако сведения по биологии этого вида на протяжении всего его ареала отрывочны. Наши исследования выполнены в акватории охотничьих угодий Сладко-Лиманского охотничьего хозяйства в восточной части Приазовских плавней (Каневский район, Краснодарский край; гео-

* Маркитан Л.В. 2010. О размножении тонкоклювой камышевки в Восточном Приазовье // *Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии*. Казань: 400-401.

графические координаты 46° с.ш., 39° и.д.) в весенне-летние периоды 1996-2000 годов.

На лиманах Восточного Приазовья тонкоклювая камышевка появляется намного раньше других видов рода *Acrocephalus*, гнездящихся на исследуемой территории. Первые встречи нами зарегистрированы во второй декаде марта. К постройке гнёзд тонкоклювая камышевка приступает уже в начале апреля (6 апреля 2000 найдено первое гнездо, а 11 апреля в него было отложено первое яйцо). Всего за время исследований было найдено 32 гнезда.

Тонкоклювая камышевка предпочитает гнездиться в густых зарослях сухого рогоза, устраивая гнёзда под стеблями, поваленными ветром и наносами снега, которые образуют своеобразную «крышу» или «навес» над гнездом. Плотность растительности вокруг гнёзд (n = 20) достигает в среднем 215 стеблей на 1 м^2. 31 мая 1997 отмечена постройка гнезда в стенке искусственного укрытия, сделанного из стеблей тростника. От открытой воды гнёзда находятся на расстоянии 0-500, в среднем 115 см (n = 20). Высота гнезда над водой варьирует от 17 до 60 см, составляя в среднем 30.75 см (n = 20). Минимальная глубина воды под гнездом составила 40, максимальная – 78 см, в среднем 60.9 см (n = 18). Высота основной массы стеблей рогоза, к которым крепится гнездо, составила от уровня воды 51-81, в среднем 66.8 см (n = 12). Гнездо обычно приплетается с 3-4 сторон к листьям рогоза. В качестве строительного материала используются верхушки листьев и пух соплодий рогоза, размочаленные листья рогоза, нитчатые водоросли, придаточные корни тростника. Лоток выстилается метёлками тростника, пухом лысухи или красноголового нырка. Размеры гнёзд (n = 25), см: диаметр гнезда 7-11.2, в среднем 8.2±0.97, диаметр лотка 4.1-6.8, в среднем 5.2±0.7, высота гнезда 4.8-9.0, в среднем 7.2±1.02, глубина лотка 3.2-5.5, в среднем 4.3±0.7.

Пик откладки яиц у тонкоклювой камышевки приходится на конец апреля – середину мая, однако мы наблюдали откладку яиц и в конце июня (26 июня 1999). Величина насиживаемой кладки (n = 31) варьирует от 3 до 5 яиц, в среднем составляя 4.7±0.5 яйца. Размеры яиц (n = 127), мм: длина 15.6-18.9, в среднем 17.6±0.6, диаметр 11.8-14.1, в среднем 13.2±0.4. Масса свежеотложенных яиц (n = 83) – 1.35-1.90, в среднем 1.6±0.09 г.

Плотное насиживание начинается после откладки третьего яйца. Продолжительность инкубации составляет 14-16 дней. Птенцы покидают гнездо на 12-13-й день после вылупления.

За время исследований была прослежена судьба 31 кладки тонкоклювой камышевки. 13 кладок (41.9%) было разорено хищниками. Нами отмечены случаи расклёвывания яиц и поедания птенцов как этого, так и других видов камышевок рыжей цаплей *Ardea purpurea*,

малой выпью *Ixobrychus minutus*, водяной полёвкой *Arvicola terrestris*. Не исключено, что в разорении гнёзд тонкоклювой камышевки участвует и усатая синица *Panurus biarmicus*. Тонкоклювая камышевка и усатая синица приступают к размножению очень рано, что вызывает между ними конкуренцию за места, удобные для постройки гнёзд в период недостатка пригодных для гнездования участков. Нами был отмечен случай, когда из полной кладки (5 яиц) тонкоклювой камышевки, законченной 2 мая, 14 мая исчезло одно яйцо, на следующий день исчезли все яйца, а уже 16 мая пара усатых синиц, чья кладка была разорена неподалёку, надстраивала своё гнездо поверх гнезда тонкоклювой камышевки. Подобные случаи были отмечены и другими орнитологами (Олейников, Казаков 1970).

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск **603**: 1836-1838*

Распространение и биология короткокрылой камышевки *Horeites diphone sakhalinensis* на острове Сахалин

В.А.Нечаев

*Второе издание. Первая публикация в 1991**

Короткокрылая камышевка *Horeites diphone sakhalinensis* (Yamashina, 1927) распространена в южных и центральных районах острова Сахалин, до 51° с.ш. Северная граница её ареала проходит на севере Западно-Сахалинских гор, в северных отрогах Камышового хребта, немного севернее Александровска. На Тымь-Поронайской равнине и в Восточно-Сахалинских горах эта камышевка не обнаружена.

Основные места обитания короткокрылой камышевки – густые заросли курильского бамбука, иногда с примесью кустарников и трав. Эти заросли занимают безлесные или слабо облесенные горные склоны или образуют полог в разреженных смешанных лесах. Распространение вида по Камышовому хребту в северные районы острова совпадает с произрастанием там курильского бамбука. Камышевка проникает в горы до высоты 900 м н.у.м. Охотно заселяет поляны во вторичных смешанных лесах, покрытые зарослями курильского бамбука. В местах, где курильский бамбук не произрастает или не образует

* Нечаев В.А. 1991. Распространение и биология короткокрылой камышевки на острове Сахалин // *Материалы 10-й Всесоюз. орнитол. конф.* Минск, **2**, 2: 116-117.

сплошных зарослей, птицы поселяются редко. Иногда они гнездятся на вырубках в густых порослевых зарослях из пихт и елей с бузиной, шиповником и малиной, в кустарниково-травянистых зарослях и крупнотравных ценозах.

Численность в разреженных лесах на склонах долин рек – до 10 самцов на 1 км, в горах – 3-5 самцов на 2 км маршрута.

Весенняя миграция в конце апреля – первой половине мая; в отдельные годы прилёт птиц продолжается до конца мая. Осенью улетают в сентябре – первой декаде октября. Одиночные птицы задерживаются до конца октября.

Самцы поют с первой декады мая по июль – начало августа. Гнездовой период растянут и длится со второй половины мая по август. Это обусловлено как двумя нормальными репродуктивными циклами у рано гнездящихся самок и частыми повторными кладками, так и полигинией, когда на гнездовом участке одного самца в разные сроки или одновременно размножаются 2-3 самки. Поэтому в июле-августе можно одновременно встретить птенцов различное возраста.

Гнездо строит самка. Постройки помещаются в верхней части стеблей и листьев бамбука на высоте 20-100 см. Форма гнёзд шарообразная или яйцеобразная, с летком в верхней части. Размеры гнёзд (n = 13), мм: наружный диаметр 11-18 (в среднем 13.8), высота гнезда 14.5-23.0 (18.0), диаметр лотка (на уровне летка) 5.3-7.0 (5.8), глубина лотка (от нижнего края летка) 3.0-10.0 (6.7). Размеры летков (n = 8), мм: 4.0-5.0×4.5-5.0, в среднем 4.5×4.8. Строительный материал – кусочки сухих листьев бамбука (100% встреч), реже используются листья мятлика, вейника и других злаков. В лотке – узкие полоски листьев бамбука, кусочки тонкой коры берёзы, перья.

Откладка яиц начинается в конце мая – начале июня и продолжается разными самками до конца июня. Кладки содержат 4-6, чаще 6 яиц. Размеры яиц (n = 48), мм: 16.4-19.5×13.1-15.0, в среднем 18.03×14.07. Окраска скорлупы красновато-бурая, иногда с тёмными расплывчатыми пятнами. Насиживает самка в течение 14-15 сут. Первые птенцы вылупляются в конце второй – начале третьей декады июня. Гнёзда птенцы оставляют на 13-14-е сутки жизни; первые слётки встречаются в первой декаде июля. До отлёта молодые держатся выводковыми стайками.

Полная линька взрослых птиц происходит в августе-сентябре, нередко заканчивается в первой половине октября. Молодые птицы проходят полную линьку из гнездового в осенний наряд с конца июля до середины октября.

Основная пища – насекомые (жуки, цикадки, двукрылые, гусеницы бабочек) и пауки. Осенью короткокрылые камышевки поедают сочные плоды растений (бузины, аралии и др.).

На Сахалине и Южных Курильских островах (Кунашир, Итуруп, Уруп, Шикотан) гнездится *H. d. sakhalinensis* (Vaurie 1959; Степанян 1990; наши данные), на Северных Японских островах – *H. d. cantans* (Temminck et Schlegel, 1847). Залёт японского подвида зарегистрирован на Южном Сахалине; в коллекции Зоологического института АН СССР хранятся 2 самки, добытые 15 сентября 1947 в окрестностях Ново-Александровска. В отличие от *H. d. sakhalinensis*, они выглядят немного темнее, с заметным развитием оливково-зелёного цвета на верхней стороне и боках тела. Эти экземпляры ввели в заблуждение Л.А.Портенко (1955, 1969), который ошибочно считал, что гнездящиеся сахалинские и японские птицы идентичны по окраске и относятся к одному подвиду *H. d. cantans*.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск **603**: 1838-1839*

Роль лесных избушек в жизни врановых птиц северной тайги

Т.В.Плешак

Второе издание. Первая публикация в 1991[*]

Материалы собраны в Холмогорском и Пинежском районах Архангельской области. В 1977-1990 годах во все сезоны обследовали охотничьи избушки и некоторые другие жилые сооружения, удалённые от населённых пунктов на расстояние не менее 15 км.

В глухой тайге, особенно у водоёмов, серая ворона *Corvus cornix* порой гнездится непосредственно у охотничьих избушек или рядом с ними, но ведёт себя осторожно. Гнездо может использоваться несколько лет подряд. Встречается обычно с марта по октябрь. Собирает около избушек строительный материал, преимущественно для выстилки лотка гнезда, поедает пищевые остатки, отбросы промысла.

Ворон *Corvus corax* встречается у избушек и балко́в лесорубов на протяжении всего года. У групп балков подпускает человека на близкое расстояние, но у одиночных лесных избушек держится настороженно, предпочитая наведываться к ним (как и серая ворона) в отсутствие человека. Часто посещает помойки у балков, где поедает различные отбросы. Гнёзд во́рона вблизи жилых построек не находили.

[*] Плешак Т.В. 1991. Роль лесных избушек в жизни врановых птиц северной тайги // *Материалы 10-й Всесоюз. орнитол. конф.* Минск, **2**, 2: 152-153.

Кукша *Perisoreus infaustus* часто встречается возле охотничьих избушек, безбоязненно кормится совсем рядом с людьми. После вылета молодых кукши появляются у избушек всем выводком. В сентябре-феврале отмечаются стайки по 4-5 особей. Летом, при обилии кормов в природе, кукши встречались у избушек крайне редко. Каждая группа кукш придерживается определённой избушки, защищая её окрестности от посягательств других сородичей. Драки с нарушителями территорий наблюдаются в течение всего года. Возможно, кукши у избушек начинают гнездиться несколько раньше, чем в тайге.

Сойка *Garrulus glandarius* в районе исследований редка. Впервые у избушки на зарастающей вырубке пару соек наблюдали в октябре 1990 года. Они растаскивали выброшенные охотниками остатки пищи и вели себя очень осторожно.

Сорока *Pica pica* держится регулярно в ближайших населённых пунктах, однако около лесных избушек не отмечена.